

Медведь Хирс-Шахрияр / сказки и притчи

Category: Hekayalar, Kitapcy

написано kitapcy | 24 января, 2025

Медведь Хирс-Шахрияр / сказки и притчи МЕДВЕДЬ ХИРС-ШАХРИЯР

...И вот я жил в кишлаке Зимчуруд, в стареньком рассыпающемся домике, среди простых, потных от трудов родниковых кишлачных людей, вдали от больших городов...

И писал свои простые, как камни и трава, стихи и притчи...

Иногда я блаженно засыпал над своим маленьким письменным столиком под огромной тысячелетней чинарой, и ветер перелистывал, перечитывал мои свежеисписанные листы и уносил их...

Ветер – мой единственный читатель – и тот разбрасывает мои письма, как осенние листья...

Но вот в нашем тихом кишлаке случилось несчастье...

В далеких горах жил одинокий гималайский медведь Хирс-Шахрияр...

Он был не хищник, а вегетарианец... медведь-аристократ-гурман...

Он любил и ел только дикий мед... ягоды... орехи...

Он никогда не нападал на зверей и людей...

Старики говорили, что Хирс-Шахрияр пришел из Гималаев – страны древних мудрецов, которые незримо правят миром... хотя наш сумасшедший XXI век плохо слушается мудрецов... как бешеная машина – тормозов...

Старики говорили, что один из Великих гималайских Мудрецов Хо-Бамбо-До-Шо устал быть человеком в бешеном XXI веке машин, компьютеров, и душа усталая его переселилась в Медведя... в Колесе Сансары...

И вот двуногий этот Мудрец, Хо-Бамбо-До-Шо, кочует по миру в облике Медведя – так Ему, уже Четвероногому, легче переживать страдания любимых людей и боли земного мира...

А он любит всех людей, не только своих близких...

А такой человек приближается к Богу...

А эти страдания и боли людей увеличиваются...

И трудно их пережить двуногому...

...Но вот пьяный охотник, а пьяных слепцов-человеков на земле становится все больше, ранил Хирса-Шахрияра, когда тот тихо, нежно лакомился дикой малиной в недоступном ущелье...

Медведи любят малину и забывают об опасности, когда малина созревает...

И мудрец Хо-Бамбо-До-Шо, сидящий в медведе, тоже любил малину...

А пуля пьяного, но — увы! — меткого охотника шла в сердце, но чуткий медведь, вернее мудрец, сидящий в нем, закрылся лапой, и пуля уязвила, пробила лапу...

Малиновая живая кровь пошла, забурлила из медведя и оросила богато кусты дикой малины... малина стала еще более гранатовой... живокровавой...

Медведь сталлизыватькровообильную рану и ушел... убежал... хромая... с пулей в лапе...

О Боже!..

Шайтан лишь стреляет в медведя в малиннике...

Это всё равно, что стрелять в джигита, когда он жарко обнимает гурию...

Но теперь Хирс-Шахрияр стал хищником...

От пуль и кровавых войн даже люди становятся хищниками... зверьми...

И Хирс-Шахрияр стал мстить, убивать коров, коз, овец и нападать на людей...

Древний Гималайский Мудрец Хо-Бамбо-До-Шо, живущий в медведе, затих... замер... пуля сидела в нем... жгла его...

Боль убивает мудрость...

Так Хирс-Шахрияр стал опасным бродягой-шатуном-убийцей...

Слух о медведе-убийце пошел по кишлакам, как дрожь по тяжело больному человеку...

И дошел до моей одинокой рассыпающейся кибитки...

Я стал по бессонным тревожным ночам подпирать мою дверь посохом — палкой, но как я, старик, мог защититься от могучего зверя, жаждущего мстить убийцам — человекам?..

О, Творец! Хозяин бесконечных Миров и моей убогой кибитки!..

Я почувал!..

Я знал, что медведь придет ко мне...

Я ждал его... Приготовил нож...

И он пришел...

В эту ночь, через огромную трещину в глиняной крыше, я любовался падучими звездами и необъятным лучистым Млечным Путем...

Кишлачные старики рассказали мне о том, как явился в небесах Млечный Путь...

Давно это было... давно...

Ах!.. седая! звездная! дочеловечья старина...

Но ты жива в бессмертной душе человеческой!..

Но старики Её помнят... для этого и живут на свете, чтобы мы не забывали свою Великую Историю...

А без Истории – человек, как павлин без хвоста, как без воды – река... как дерево без корня, как баран без курдюка...

Да!.. да!.. да...

Вот эта история...

...Бедняк Нусратулло-Тилло имел десять детей и жил в нищете... в вечном голоде...

Он устал от голодных глаз своих детишек...

И однажды забрался на самую высокую Козью Гору и взмолился ко Всевышнему:

– О, Творец Вселенной и Хозяин Миров!..

Помоги мне накормить моих детей!..

И тут случилось чудо!..

Если долго молиться – чудо всегда совершится!..

И молитва его дошла до Хозяина Вселенной!..

И Творец прямо с Козьей Горы взял перепуганного бедняка в небеса, и тут подарил ему огромную ферганскую Арбу, полную мешков муки и риса...

А что' еще нужно бедняку?..

Но!..

Потрясенный щедростью Творца Миров, ликующий Нусратулло-Тилло вытащил из дряхлых сапог-чарогов тайный кувшин шайтанской воды-водки и от небесной радости, среди близких звезд, лихо опустошил его...

И, пьяный, разгульный, среди пылающих Лампад – Плеяд, бедняк стал плясать и петь на Арбе, и яростно погонять трех черных,

власатых, угрюмых памирских яков — кутасов, впряженных в исполинскую Арбу!..

И!.. Яки понесли!.. Потащили!.. Заплясали!..

Яростно, туго, криво помчали! повлекли Арбу и пьяного пляшущего и поющего арбакеша- извозчика по девственным Небесным Дорогам!..

Ойййх!.. Айййх!..

О, Творец!..

Кто на земле не мечтает вот так промчатся-прокатиться по Небу?!..

И петь-плясать среди звезд?..

Вселенская нетронутая девственная пыль поднялась... закрыла звёзды...

От пыли зачихали Звездные Медведи и Гончие Псы!..

«Будьте здоровы!» — кричал им необузданный, пьяный Нусратулло-Тилло!

И тут случилось страшное: бешеная! пьяная! слепая Арба набегу!.. налету!.. врезалась! задела молодой острый Месяц, и Он разрезал все мешки с мукой и рисом!..

И посыпались обнаженные мука и рис по Звездным Путям вслед за бешено несущейся Арбой!..

О, Всевышний!.. Ты знаешь!..

Так явился, затрепетал, заструился в небесах Великий Млечный Путь!..

Из рассыпанного риса и муки...

А бедняк Нусратулло-Тилло виновато вернулся на землю, на Козью Гору, с пустыми мешками...

И опять его встретили глаза голодных детишек...

Пьянство и нищета — брат и сестра!..

Но!..

Нусратулло-Тилло всю жизнь радостно вспоминал свою бешеную гонку-пляску- скачку — по Дорогам Небесной Вселенной!..

И никогда не жалел об этом!..

И говорил радостно:

— А кто еще из земных людей скакал в Небесах на Арбе, впряженной памирскими черными яками, которые от бешеной пены стали белыми?..

Скоро будет в небесах «Созвездие Белых Яков и Погонщика Нусратулло-Тилло»!..

Так я стану вечным!.. Да!.. да!.. да!..

А кто скакал по Небу на Арбе, полной риса и муки?.. Кто?..

И кто врезался заживо!.. в молодой Месяц?..

Никто!.. Никогда!..

Только я!..

А меня Творец избрал!..

И если бы мои детишки съели рис и муку – не было бы Великого Млечного Пути!.. да!.. да!.. да!..

Большинство людей умирает, уходит с земли – бесследно.

А после меня – останется «Великий Млечный Путь»... И «Созвездие Белых Яков»!..

О, Творец!.. О, Хозяин всех миров!.. Всех Млечных Путей!..

Ты меня избрал!..

Но!..

Но вот я лежу и гляжу через огромную трещину в моей глиняной крыше на Млечный Путь и вспоминаю счастливого Нусратулло-Тилло...

Ему повезло...

Он остался в веках...

А я не останусь...

...И тут тихо открывается дверь, бесшумно падает мой посох, и вкрадчиво, мягко, неслышно шурша могучими лапами, входит медведь...

Тот самый... Хирс–Шахрияр...

С хромой лапой, в которой живет пуля...

Хотя я ждал медведя, а онемел, замер от страха... вспомнил о медвежьей болезни... она зароилась во мне... страшно...

Я взял нож, но он дрожал в моей старой руке...

Известно, что волки, собаки, тигры и даже змеи перед тем, как напасть на жертву – скалятся... рычат... готовятся к последнему, гибкому, молниеносному прыжку...

А медведи недвижно стоят... глядят... словно улыбаются... завораживают...

И мой Хирс-Шахрияр встал на две задние лапы и задумчиво глядел на меня...

Но глаза у него были странные... почти человечески... почти монгольские... узкие...

И я вспомнил, что в медведе сидит, таится великий гималайский мудрец—Хутухта Хо-Бамбо-До-Шо, уставший в XXI веке быть человеком...

И перешедший в Колесе Сансары — в медведя...

Тут у меня появилась надежда...

Но медведь задумчиво глядел на меня...

Готовился к прыжку?..

А нож беспомощно дрожал в моей руке...

За всю мою долгую жизнь я убил всего несколько комаров и мух — и даже об этом жалел... каялся...

А тут огромный медведь!..

А в нём — великий мудрец!.. Их — двое...

Но тут страшный порыв ветра, словно землетрясение, качнул мою согбенную кибитку, и трещина в крыше ещё более раздвинулась, расширилась и, словно с Млечного Пути, свесились, сошли, упали, две желтые босые маленькие ступни с крошечными пальцами, похожими на морщинистые головы черепах...

И вдруг!..

О Боже!.. Вот чудо!..

Тот самый диковинный босой Старичок в огромной бухарской чалме, в гранатовом парчовом халате — сквозь трещину в крыше — опустился в мою кибитку... и встал между медведем и мной...

И опять в руках у него был дряхлый хурджин-мешок, к которому была привязана большая медная игла...

Игла завораживала меня своим тусклым древним сиянием...

А старичок, как огромный паук по незримой паутине, медленно опустился по воздуху и сел на стол между мной и медведем...

И неожиданно заговорил густым баритоном...

Я ожидал услышать мышиный писк или кошачий визг, а услышал мягкий голос отца...

Из такого маленького горла — шел такой глубокий звук!..

Как из крошечного соловья — звонкая оглушительная трель!..

Голос говорил бархатно:

— О, одинокий певец опадающих листьев!..

О, блаженный муравей мировой мудрости!..

Разве поэт-мудрец должен держать в руке не калам-перо, а нож?..

Разве ты не знаешь, что медведь любит мёд, орехи, ягоды, а не пулю?..

А ты, гостеприимный, как все таджики, мудрец, приготовил для гостя – нож?!..

... Я замер...

А Хоркаш-Бободжон улыбался...

Он глядел на меня, как в детстве только отец и мать глядели на меня...

Ойхххх!..

Любовь... любовь... только Ты есть на земле...

Только Твои глаза глядят на человека!..

И это – Бог!..

Тут я вспомнил, что у меня есть орехи и мёд...

Я бросил на пол все ещё дрожащий нож... и положил орехи и мёд в банке – перед медведем...

Медведь опустился на все четыре лапы, обнюхал банку и лизнул мёд...

Потом он осторожно, нежно разгрыз несколько орехов и один орех придвинул ко мне...

«Ешь!.. Двunoгий мой брат!..» – словно шепнул он...

Или почудилось мне...

Я чуть не заплакал от этой медвежьей заботы... и взял разъятый орех и стал есть... сладко...

Хоркаш-Бободжон тоже отведал мёд и съел орех...

Наступила тишина в моей кибитке...

Только Плеяды и Млечный Путь, некогда рассыпанный пьяным бедняком Нусратулло-Тилло, тепло, мучнисто блаженно сияли в трещине крыши...

И тут Хоркаш-Бободжон взял мой нож, склонился как опытный хирург, над раненой лапой медведя и вмиг выдернул, вынул, вычерпнул ножом из лапы пулю...

Я удивился: пуля была помятой, кривой, расплющенной от жестокого удара... Медведь был жесткомясым... трудноубиваемым...

И вот он освободился от пули...

И мне даже показалось, что он облегченно, радостно вздохнул и

улыбнулся своей медвежьей широкой улыбкой...

О Боже!..

Как я люблю, когда люди и звери улыбаются!..

Потом Хоркаш-Бободжон взял свой мешок-хурджин с завораживающей меня медной иглой и осторожно, ласково сел на благодарного, освободившегося от пули медведя, и они бесшумно, как во сне, поплыли, покинули мою одинокую кибитку...

Мне даже почудилось, что они взлетели... в ночное бархатное небо, где разгорался звездопад...

... В какой-то миг мне показалось, что это седобородый гималайский Хутухта – мудрец Хо-Бамбо-До-Шо уносит на плечах маленького Хоркаша-Бободжона и шепчет:

– В XXI веке на земле накопилось слишком много зла...

И я устал быть человеком и любить всех людей – и добрых, и злых...

И вот я решил перейти, перебраться, перевоплотиться в Колесе Сансары в могучего медведя...

Чтобы на четырех лапах бежать от мирового зла...

Чтобы четырьмя лапами защищать добро...

Да пуля поразила мою лапу...

И я решил вернуться назад... в человека...

... Так исчез последний гималайский медведь в таджикских древних горах...

А я?..

Я выскочил за моими диковинными гостями из кибитки...

Оторопело глядел на уходящих, и мне чудилось: то медведь на спине... то седой мудрец на плечах уносят Хоркаша-Бободжона по звездной ночи... плывут среди Плеяд... нежно...

И я едва не зарыдал от этого исчезающего чуда...

И опять я бросился в кибитку... искал... нашел, схватил телефон, выбежал в ночь, чтобы запечатлеть необычную картину... медведь-мудрец уносит Старичка...

Но листья с тысячелетних чинар обильно сыпались и ночью.

Но ночной листопад кажется гуще, темней дневного...

И мои странные гости бесследно затерялись в листопадной бездонной ночи...

Только огромный золотой ковровый лист шахского тутовника нежно

пал, обволок мою седую голову...

Как мать обнимала меня, в дальнем детстве...

О Боже!..

Неужели Медведь Шахрияр-Хирс и мудрец Хо-Бамбо-До-Шо навсегда ушли из моей одинокой жизни... ушли чудеса... и опять я одинок...

Но!..

... Хоркаш-Бободжон!.. Летучий! Диковинный! Босой! Кукольный!..

Чудо – старичок в чалме и парчовом халате!..

Ты только не уходи!..

Мой мудрый спаситель!..

Мой древний, как пыль, мой единственный в старости собеседник!..

...Я вернулся в кибитку... опечаленный... ещё более одинокий, чем всегда... после ухода необычных гостей...

А были ли они?..

Но на столе лежала помятая, окровавленная пуля...

• СТАРИЧОК ХОРКАШ-БОБОДЖОН

...В старости я поселился в кишлаке Зимчуруд...

Я ушел из больших городов и в горной тишине писал свои одинокие притчи...

Саманный мой домик – кибитка стоял у самой алмазной шумливой речки под тысячелетними чинарами...

В шуме воды всегда слышатся, чудятся голоса ушедших людей... вода навечно отражает, сохраняет звуки жизни...

Я всегда слушаю эти туманные былые голоса...

Они рожают счастливые слёзы воспоминаний...

Домик был ветхий... стены и крыша треснули, разъехались, и по ночам, сквозь щели и трещины – я считал падающие звёзды и любовался Плеядами... Вечными Алмазными Лампадами Бога...

При Свете этих Лампад Господь читает Библию... Сутту-Нипату... Коран...

Сон долго не приходил ...

Голоса с реки глухо бормотали, нежно переговаривались... смеялись... плакали... и я с ними...

Прошное – оживало... струилось... трепетало... как крыло стрекозы...

Я жил средь звёзд, среди пылающей, несущейся куда-то Вселенной...

Откуда мы все пришли и куда мы все уйдём...

Мы – вечные... но не знаем...

Так я стал звездочетом...

Я старый, как мой саманный прозрачный домик, и часто думаю о смерти и о том, кто раньше рухнет, падёт на землю – я или моя саманная обитель...

Ночь – печаль, вершина одиночества...

Но в одиночестве человек беседует с Богом...

Мухи и комары – мои ночные собеседники...

Я не убиваю их... если убью – стану совсем одиноким.

О, Творец Миров!..

Хорошо, если мы рухнем на землю вместе, обнявшись, как два старых пьяных друга – я и мой глиняный домик-ковчежец!

Дай Аллах!..

Дай Господь – Хозяин Миров – а, значит, и моей бедной кибитки... и старой жизни...

Дай счастливую смерть...

Пусть будет сладким древнее неожиданное, долгожданное вино смерти... да!..

О, Великий Виночерпий, пощади меня в кибитке одинокой моей!..

...А было, плыло, уплывало, опадало позднее лето...

Уже начинался первый робкий листопад...

И он засыпал золотой листвой мою кибитку...

И мой рухлый топчан с фазаньими бухарскими курпачами, лысыми подушками, разбитыми одеялами...

И мой маленький бухарский ореховый письменный стол под опадающими чинарами, со стопкой чистой бумаги – живые, хмельные слова уже не рождались в моей старой голове...

Бумага хранила белоснежную девственность...

И это мучило меня...

Я рано вставал утром, птицы будили меня...

Дикие кошки и камышовые коты охотились на голосистых млявых птенцов...

И это тоже мучило меня, и я взывал к равнодушному небу: «О, Аллах!.. О, Всемилосердный!.. Зачем Ты разрешаешь такие

охоты?..»

Я поливал родниковой водой мой маленький травяной дворик-хавли, а потом подметал его самодельным пахучим медовым веником...

О, Боже!..

Но что мог сделать мой маленький веник против огромного листопада с тысячелетних чинар, столетних сосен, ёлок, орехов...

Я устало вздыхал... бросал веник в траву и садился пить зеленый чай и грызть самаркандскую засохшую, но душистую лепёшку...

А ведь это – лучшая еда на земле среди утомительных, погибельных шашлыков, пловов, пельменей, супов!..

О, человече!.. И что ты сетуешь на бедность?.. Слепец!..

Бедность – богатство души...

Жаль, что житейская, простая, как вода и хлеб, мудрость эта приходит к тебе, когда у тебя уже нет хищных звериных зубов...

Ха-ха!.. да и мозгов!.. Да!.. да...

И!..

Вот тут-то я впервые и увидел Его!.. Живого!..

Бесконечно в кишлаке Зимчуруд мне таинственно шептали, говорили о Нём!

Особенно, дети!.. И старики!.. Часто Он им являлся!..

И вот Он передо мной!.. Летающий Дедушка!..

Волшебник!.. Весёлый, улыбчивый Старичок! Хоркаш-Бободжон! – так прозвали Его...

Древний Дух, Хозяин Тутовых деревьев!..

Он живет, спит в дуплах древних тутовников...

Я всегда мучаюсь, когда вижу обрезанные тутовые деревья...

Я словно слышу Плач-Стон изуродованных заживо деревьев: «За что?.. За что?.. За что?..»

Они похожи на придорожные Кресты...

И я страшусь увидеть на них Распятого...

Две тысячи лет прошло, а Он доселе Живой!..

Ведь Он воскрес, а, значит, бродит среди нас...

О, Боже вечный!..

Листья несчастного тутовника – лакомая пища червя-шелкопряда...

Когда-то я любил носить ласковые, прохладные и в жару шелковые рубахи, но, увидев эти обрезанные, израненные, измученные

деревья вдоль дорог, я вспомнил Кресты и Распятого...
И больше никогда не носил шелковые одежды...
О, Господь! Быть может, потому и погиб Великий Шелковый
Путь!..
Из-за этих зарезанных заживо деревьев!.. рождающих шёлк...
Да!.. Воистину!..
Мудрец говорит, что шёлковые люди-богачи никогда не бродили по
Великому Шёлковому Пути...
Там брели, потели, умирали бедняки в бедных одеждах... чтобы
богачи нежились плескались в шелках, как в родниковых хаузах...
бассейнах...
Но! Господь... Ты караешь шелковых грешников!..
И засыпаешь песком и дикой колючкой Великие Шелковые Пути
шайтанской нечестной торговли...
И только на Тебя наша Надежда... Надежда бедняков, а их
множество...
И!..
И тут вдруг я увидел, что какой-то странный Старичок ходил с
ведром, поливал тысячетлетние деревья и подметал умело палую
листву...
Как настоящий лесник-дворник, которые давно исчезли вместе с
лесами дремучими, которые бедные дехкане порубили зимой на
дрова...
Холодно, сыро в кибитках зимних... скучно...
Старичок был мал...ростом с большую куклу.
Я никогда не видел таких маленьких человечков...
На голове у него была огромная белоснежная бухарская чалма –
из таких чалм странники-бродяги делают саваны, когда приходит
смерть...
Я с удивлением глядел на Старца...
Лилипут что ли?..
Но откуда в кишлаке лилипуты?... Это же не цирк...
На нём был богатый гранатовый халат из персидской ханской
парчи...
Но он был совершенно босой... как новорождённый младенец...
Желтые потрескавшиеся ступни выдавали вечного пыльного
странника...

Я почему-то подумал, что ему трудно найти подходящую обувь, и потому он бос... детские пинетки он не станет носить... он же старик... почтенный...

О Боже!..

Я долго глядел на него... маялся... закрывал глаза...

Может, это утренний сон?.. Виденье?..

Может, это старческий бред, сладко, незаметно возвращающий меня в детство, когда я верил в сказки?.. В чудеса?..

Но вот странный кукольный Старичок-полевичок устало поставил в траву ведро и метлу... поднял с земли маленький ореховый посох и старый большой пыльный хурджин-мешок...

И, приветливо улыбаясь, помахал мне тоненькой детской ручкой, и скрылся неожиданно, как призрак, за чинарами и тутовниками... за густо опадающими листьями...

И тут опять я вспомнил, что в кишлаке Зимчуруд мне часто говорили, что таинственный дедушка Хоркаш-Бободжон живёт в дуплах древних тутовников...

Там его обители... там его дома... убежища...

В каждом кишлаке живут свои мифы, но в древнем Зимчуруде их множество, как хрустальных родников...

Последнее, что я увидел – это была моя любимая ночная птица, совка-сплюшка, с её древнейшей песней-флейтой: «Сплю!.. сплю!.. сплю!.. люблю... люблю... люблю...»

Всего два слова, а душа моя от них летит к звездам, где когда-то родилась...

По ночам я слушаю эту древнюю, совиную, простую песню – и она мне кажется лучшей песней на земле...

И вот эта таинственная ночная птица неожиданно слетела с чинары и нежно села на бархатное плечо Хоркаша-Бободжона...

«...Сплю!.. сплю!.. сплю!..» – пела совка-сплюшка-флейта...

А мне чудилось: «Люблю!.. Люблю!.. Люблю!..»

...Когда я выскочил с телефоном – никого не было среди древних деревьев, кроме опадающих листьев... и утреннего знобкого жемчужного туманца над травами...

Гуще и гуще падали, летели листья...

Было лето... лето... и уже уходящее... уже тихо покорно умирающее...

Осыпанное, похороненное золотыми листопадами...

А приходила, шурша летучей листвою, осень... осень...
От этих шуршаний сходили с ума дикие кошки – им везде чудились
мыши... мыши...
Бедные кошки... ведь они не едят листья, как дикорастущие козы...
козы...
А золотой лист бьётся на моей серебряной ладони... влажный...
вялый сырой... пахучий...
А таинственный старичок Хоркаш-Бободжон скрылся... сгинул в
золотом листопаде...
Навсегда?..
Неужели я больше Его никогда не увижу?..
А был ли Он?..
Но мне так хотелось, чтобы Он был... жил... дышал... улыбался...
Так редки чудеса в скучной жизни!..
О, Господь!..
Почаще посылай чудеса на землю!..
Ведь Земля – это Врата в Царствие Небесное!..
Я умылся в ледяном алмазном роднике «Чашма», и сел пить чай, и
наклонился над чистой бумагой...
О чем писать?.. Что вспомнить?..
На чем остановиться?..
Караван моих дней явился мне...
Мне восемьдесят лет...
А по ночам, когда я гляжу на Плеяды – мне чудится, что мне
восемьдесят тысяч лет...
Восемьдесят верблюдов – годов...
Восемьдесят золотых листопадов...
Какого верблюда позвать? Вспомнить?
Какой давний листопад вновь коснется моей седой головы?..
Прошое – это рай, откуда никто не может изгнать нас...
Прошое – это единственная реальность...
Настоящее – это перепелка в траве – поймать её невозможно,
хотя она рядом... почти касается твоих быстрых ног... а неминуемо
ускользает, когда ты пытаешься схватить её...
Будущее – это утренний туман...
Что в нём? Что за ним?..
Никто не знает... Кроме Бога...

Но Он молчит...

Он заговорит только в Царствии Небесном...

Вот упал на тебя камень с горы – и нет никакого будущего... этой туманной иллюзии...

Только Прошлое – это реальность... это жизнь... это рай...

И вот я склонился над чистым листом бумаги – и на нём поплыл Караван золотых верблюдов в Золотом листопаде...

А белый серебряный Ослик – возглавлял Караван...

А на ослике сидел мой новый знакомый, Старичок в огромной белой чалме...

Он улыбался мне... махал маленькой детской ручкой, и совка-сплюшка на Его плече пела: ««Сплю!.. сплю!.. Люблю!.. люблю!..»

Караван моей жизни ожил...

Куда бредет он?..

• ПЕРЕВОПЛОЩЕНИЯ

..О Аллах! Ты знаешь что благочестивый муж в старости перед смертью неудержимо стремится раздать свое имущество нищим и бедным, чтобы заслужить Твою загробную любовь.

Так осенняя варзобская чинара роняет по ветру спелые ленные зыбкие листья.

Истинно говорят китайцы: «Если я не буду пускать бросать деньги на ветер – то как они вернутся ко мне назад?..»

Но!

Аллах, ты знаешь, что женщины к старости, напротив, стремятся наполнить насытить свой дом, утяжелить семейное многоголосое гнездо свое...

И вот старый Ходжа Зульфикар стал тайно носить из дому вещи – то одеяло то кумган то казан то курпачу – и сладко самозабвенно раздавать их на пятничных хиссарских безарах нищим и беднякам...

И душа его наполнилась древним блаженным солнечным светом добротолюбия.

И стал он осиян и счастлив, как никогда в долгой своей жизни...

И раздав дары он сидел в чайхане и пил зеленый чай с

хоронгонской мятой...

И витал над бедной землей над муравьиным суетным базаром как накурившийся иссык-кульской конопли...

И стало тайно таять малое его достояние.

Тогда младая знойнотелая жена его Изюм-Султан проследила пути его и узнала и задумалась.

Она знала, что не сможет остановить дервиша в его святом расточительстве даянии и быстро истает кибитка их и имущество невеликое.

А дервиш дошел до того, что тайком унес на базар любимые свадебные серьги Изюм-Султан и отдал их слепой гадалке-цыганке, которая слепыми перстами учуяла старинное бухарское золото серег и зарыдала...

И дервиш Ходжа Зульфикар блаженно раздольно зарыдал вместе с ней.

...И тогда Изюм-Султан нашла себе нищенских одежд и накупила индийских едких красок для лица...

И стала летуче сметливо лихорадочно являться на базарах то в облике нищей старухи под паранджой, то дряхлого туманного каландара-странника, то слепца, то калеки, то гадалки, то немного масхарабоза...

Бесконечны были перевоплощенья её...

И она всюду следовала текла хищной чуткой змеей за дароносным мужем и забирала все приношенья его и возвращала их домой.

Но потом она неистово бездонно смертно возлюбила древнее ремесло нищих...

И открыла в себе великий дар перевоплощенья «танассух» и обрела себя и ушла навек на пути нищих странников и там безымянно бродит и поныне...

И она является людям в разных обликах обличьях...

И уже не знает она, кто она.

Забыла она, кто она и как имя её, как забывает человек молочные соски матери своей...

А дервиш остался один в пустой кибитке...

А тот кто идет по путям нищих – идет к Богу...

...О сокровенная жена моя Изюм-Султан куда куда куда ты ушла?..

Где пылит твоя жемчужная перламутровая сахарная целебная

сладчайшая дымная нога?

Куда? куда? куда?..

О Аллах! и всякая душа находит пути свои и никто не знает их кроме тебя!

Но!

Айя! ай как пустынна кибитка душа жизнь моя...

Айя, как одинок и счастлив я!..

И дервиш взял последнее изумрудное одеяло свое которое сшила ему усопшая матушка его Исмат-Бегум и пошел на многодышащий базар...

Ай! айяай! ай!..

Ай Аллах мой!..

Всё ушло из моей жизни...

Все ушли...

Только Ты не уходи!

• ВАСИЛИЙ ИВАНОВИЧ

...Я летом живу в кишлаке Зимчуруд...

Жара...

Но родники святые из-под тысячелетних чинар, из-под камней живительно бьют...

Вода ледяная... алмазная... кормильная... целительная...

Говорят, что эта вода побеждает, убивает все болезни... даже рак...

Когда я сажусь обедать – всегда учуяв запах бедной моей еды, приходят дикие собаки... кошки...

И иногда от реки доползают ядовитые эфы и неопасные ужи...

И прилетают вездесущие всеядные хищные индийские скворцы – майна...

Я всех кормлю... чем могу... в ущерб себе...

...И тут налетает огромный бархатисто-золотистый воинственный шмель...

Чем-то он своими усиками разбойничьими напоминает мне легендарного залихватского героя – Чапаева...

Может быть, в Колесе Сансары герой стал шмелем...

И я нежно, опасливо кличу его: «Василий Иванович»!..

А вдруг он вновь обратится в героя с пляшущей саблей в руках...
Куда я тогда денусь со своей христианской и мусульманской кротостью?..

Чтобы он не жужжал зорко гулко остро опасно под ухом моим — я ставлю для него тарелку с кружком колбасы, с виноградиной и с куском особенно любимой им дыни...

И Василий Иванович мудро, находчиво садится на тарелку и ест, сосёт, поглощает еду...

А потом, насытившись, сонно, тяжело, гулко улетает...

Удоволенный... сытый...благодарный...

И я всегда дивлюсь: как в такое маленькое летучее тельце умещается столько еды...

...Так текло блаженное кишлачное ленное лето... лето... лето...

Но потом в ущелье пришла сырая златопадная знобкая осень...

Замутились дожди...

Нахлынули печали одиночества...

И я вернулся в город...

Но всё время тревожился о моих собаках, птицах, кошках, змеях...

О золотисто-бархатистом Василии Ивановиче...

Как они там?..

Я приучил их к дармовой еде...

А теперь они сами должны добывать себе пищу в диких опасных горах...

О, Боже!..

Вдруг они стали добычей более сильных хищников...

Как это нынче происходит среди новоявленных капиталистических людей...

Но что я могу сделать для зверей моих?..

Как защитить их?..

...И вот я, вздыхая, сижу за столом, обедаю в свежепобеленном саманном домике моём на окраине города...

Говорят, что мудрецы всегда живут на окраинах империй и городов...

Котел кипит с краёв... и это утешает меня в бедности и одиночестве моём...

И вдруг в окно влетает огромный золотисто-бархатистый шмель...

Я сразу узнал его, словно давно ждал...

И поставил на стол вторую тарелку с колбасой, виноградиной и куском осенней дыни...
И он стал сосать – вбирать – рвать – глотать любимую еду свою...
Я чую – он устал... почти спит...
Глаза закрыты, усики опали...
Как он нашел домик мой?..
Как пролетел много километров от кишлака до города?..
У кого спросить?..
Но никто во всем этом огромном осеннем равнодушном мире – не ответит...
А золотисто-бархатистый Василий Иванович поел и сыто, упруго, блаженно упал... полег... распространился... раскидался...
Уснул прямо на тарелке...
Золотистые сны приснятся ему теперь...
Осень ведь!..
И пора шмелям, змеям, медведям, рыбам в зимней спячке спать до весны...
Вот бы человекам так – в золотых снах проводить проживать зиму...
Да и я рад, что всю зиму буду не одиноким...
Василий Иванович-то рядом...
Не из-за еды ведь прилетел он...
А из-за любви...

- ЛЕГЕНДА

*Хилолиддину Садыкову – мудрому строителю. Ученику Хеопса.
Другу Ходжи Насреддина.*

...В кишлаке Зимчуруд, где я жил летом, есть древний мазар – кладбище под четырьмя древними чинарами...
Тысячу лет назад здесь жила, дышала, надеялась девочка...
Её звали Нилюфар...
Певучее имя...
Древнее...
Идущее от реки Нил...
Как оно оказалось в кишлаке?..
Воины Ислама что ли принесли его на Мечах своих?..

Никто не знает...

Но у Нилюфар были самые смоляные!.. самые неистово вьющиеся!.. самые богатые волосы, водопадами ниспадающие до жемчужных самых круглых колен, которых никто не видел, кроме неё...

И лазоревые дымчатые переливчатые, как памирские лазуриты, глаза, глаза... были у неё...

Вот они глядят на меня через века!..

Вечноживые...

И невиданно-неслыханно алая нежная персиковая кожа была у неё...

Но алость... но пылкий огненный румянец были у неё от ранней чахотки...

Такие не живут долго на текучей земле, а радостно уходят в вечные небеса...

И она ушла в небеса...

Незрелой девочкой утихла, смирилась, оттрепетала, отшелестела...

Как стрекозка... отошла... умерла...

И за её невиданную красоту... хрупкость... алость... младость... ее похоронили на древнем мазаре, под тысячелетними чинарами, где хоронили только мудрых седых старцев... суфиев...

Которые и досель бродят в двух мирах... и не знают границы между ними...

Но!..

Но каждую ночь, особенно в полнолуние, когда дикие козы от прилива лунной дурной косой крови летают над пропастями, Нилюфар выходит из-под чинар и горько, беззащитно, как обиженное дитя – а она и есть дитя – плачет... плачет... плачет... И шепчет, заикаясь, задыхаясь, чрез хрустальные алмазные вечносвежие слезы, слезы, слезы:

– Почему?..

Почему я так рано умерла?..

... Я часто ночами от бессонницы брожу у лунных жемчужных тысячелетних чинар и всегда издалека вижу Нилюфар...

Но когда я осторожно, крадучись, замерев, не дыша, подхожу ближе – девочка дымно растворяется, теряется, расплывается, уходит под чинары...

Словно облако находит от горного дикого потока, что струится, лепечет в камнях под старыми деревьями...

И только молодая ветвь древней чинары качается... задетая ею...
иль речным вечным ветром...

Но голос... но голос...

Но шепот тысячелетний Девочки долго дрожит... жалуется...
колеблется... мается в ночном гулком пьяном воздухе...

Не уходит... не смиряется...

...Почему?..

Почему я так рано умерла?..

...Но кладбищенский сторож Абу Бакар, по человеческому
летоисчислению старый, как чинары, покуривая свою бухарскую
трубку, сказал мне:

– Не от чахотки, а от любви!..

От ранней слепой пенной любви ушла Нилюфар!..

Она любила своего соседа за высоким дувалом – красавца,
джигита – чабана Хола-Джамшеда!..

Но она стыдливо, девственно, таилась, пряталась за дувалом, за
паранджой, за чачваном...

И там горела и сгорела огненно, тайно, как кубинский табак в
моей трубке!..

Да!..

Айххххх!..

Из-за любви!..

Из-за любви!..

Которая ярче слаще смертной любой чахотки!..

Любовь – это святая сладчайшая небесная чахотка души...

Да!..

Айххххйя!

А Холл-Джамшед так и ничего не узнал...

Чабан чует овец и волков, но не чует великую человеческую любовь...

А кто чует?..

Скоро на земле не останется любви...

...Потому Нилюфар, одинокая от неразделенной любви Девочка, и
выходит доселе из-под чинар...

Надеется...

И плачет:

– Почему?..

Почему я так рано умерла?..

А про себя шепчет:
– Джамшед!.. Джамшед!..
Я до сих пор горю!..
Я до сих пор тебя люблю!..
А ты так и не учуял...
Так и не узнал...
Но я буду ещё тысячи лет выходить из-под земли...
Пока ты не узнаешь...
Пока не придешь...

Об авторе: ТИМУР ЗУЛЬФИКАРОВ

Родился в 1936 году в Душанбе. Окончил Литературный институт им. Горького (Москва, Россия). Автор 30 книг прозы и поэзии, тираж которых превысил миллион экземпляров.

Широкую известность приобрели романы о легендарном Ходже Насреддине, Омаре Хайяме, Иване Грозном, Амуре Тимуре и монументальное повествование о жизни и загробных хождениях современного поэта – «Земные и небесные странствия поэта». Это сочинение было отмечено премией «Коллетс» (Англия) за «Лучший роман Европы-1993».

На Западе Тимура Зульф리카рова называют «Данте русской литературы». Основные произведения автора переведены на 12 языков мира.

Много и плодотворно работает в области драматургии театра и кино. Автор сценариев более 20 художественных и документальных фильмов, многие из которых отмечены наградами национальных и международных фестивалей.

В 2004 году награжден премией «ЯСНАЯ ПОЛЯНА» за «Выдающееся художественное произведение русской литературы» (книга «Золотые притчи Ходжи Насреддина»).

В 2005 году – Национальная премия «Лучшая книга года – 2005» (роман-миф «Коралловая Эфа». Neкаýalar